

УДК 327.21

ББК 66.2(4)

Нормативные цели внешней политики Европейского союза*

Л. О. Игумнова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Автор раскрывает содержание нормативных внешнеполитических целей и рассматривает их на примере внешней политики ЕС, конкретизируя основные ценности, формирующие нормативный имидж Союза. Разделяя либеральное конструктивистское видение нормативного, постмодернистского характера внешнеполитической модели ЕС, автор не отрицает, что политика Союза может быть мотивирована и практическими интересами.

Ключевые слова: внешняя политика Европейского союза, нормативная сила, внешнеполитические цели.

1. Введение

В теории международных отношений стало общепринятым проводить различия между внешнеполитическими целями, основанными на нормативных ценностях и моральных принципах, и теми, которые формируются в соответствии с материальными и стратегическими (ненормативными) интересами. Зачастую под последними подразумеваются эгоистичные национальные интересы, лишённые морального и нравственного начала.

Применение нормативного языка с целью легитимизации своих действий и оправдания своей политики характерно для большинства государств, в особенности для великих держав [11, р. 12]. Использование подобной риторики тем или иным актором, однако, еще не означает, что его внешнеполитические цели действительно нормативны. Распространение универсальных ценностей и этических принципов характерно в первую очередь для европейской и американской культур. В данной статье этот вопрос рассматривается применительно к внешней политике Европейского союза. Проблему внешнеполитических целей и ожиданий ЕС можно считать недостаточно исследованной, особенно в России, несмотря на то, что единая Европа, особенно после окончания холодной войны, уверенно восприняла эту новую историческую роль, заявив о себе как о нормативной силе с нормативными интересами.

* Статья написана при поддержке гранта Erasmus Mundus External Cooperation Window и Болонского Университета (Италия).

II. Типология внешнеполитических целей. Понятие «milieu goals»

Большинство исследователей основывают свои представления о нормативности либо ненормативности внешнеполитических целей на работе Арнольда Уолферса, сформулировавшего понятие “milieu goals” и “possession goals” [34]. Разделение целей на “milieu” и “possession” стало классическим. Однако напомним вкратце основные положения Уолферса и рассмотрим некоторые современные интерпретации его идей.

Possession goals (possession (англ.) – владение, обладание; *goals* (англ.) – цели) ассоциируются в первую очередь с национальными, материальными и стратегическими интересами. Руководствуясь ими, государства имеют целью сохранить или укрепить то, что для них особенно ценно: независимость, территориальную целостность, суверенитет. Преследуя *possession goals*, правительства стремятся добиться получения экономических и политических преимуществ, считающихся важными с точки зрения национальных интересов: расширения территории, членства в Совете Безопасности ООН, преференциальных тарифов, энергетической и военной безопасности. Зачастую эти интересы реализуются за счет интересов других.

Собственнический характер данных целей вызывает неоднозначную реакцию международного сообщества: *possession goals* поддерживаются одними как выражение национальных интересов, и осуждаются другими как проявление национального эгоизма и стяжательства. *Possession goals* ведут к межгосударственной конкуренции и могут быть причиной конфликтов.

Традиционно в научных исследованиях доминировал акцент на анализе материальных мотивов в стиле *realpolitik*. Однако подобная интерпретация не способна дать нам полного понимания внешнеполитических ожиданий ЕС. “Milieu goals” требуют особого внимания, так как именно они лежат в основе нормативной политики (*milieu* (фр.) – среда, окружение).

Milieu goals находятся вне национальных рамок. Ни одно государство не может провозгласить их как свои собственные [35]. Они направлены на формирование и трансформацию окружающей среды, особенно формирование ближайшего соседства. Ключевой целью внешней политики в данном случае становится создание и поддержание благоприятного мирового порядка.

Намерение трансформировать внешнюю среду не может, однако, быть единственным критерием нормативности. Формирование *milieu* является, как правило, целью любой великой державы, в том числе авторитарной. Необходимо понимать направление этих трансформаций и иметь представление о ценностях, которые пытается распространить тот или иной актор. Реализуя *milieu goals*, нормативный актор не стремится защитить свои узконациональные интересы или увеличить свои владения. Он предпринимает меры по достижению мира, защите демократии и прав человека, развитию принципов устойчивого развития и эффективного управления, созданию благоприятных условий для социального и экономического прогресса, борьбе с эпидемиями или торговлей наркотиками и т. д. Если бы не *milieu goals*, утверждает Уолферс, достижение мира никогда не смогло бы стать целью национальных политик [34, p. 73].

Milieu goals предполагают создание высокого уровня институционализации и упорядоченности мира для формирования общего жизненного пространства, которое регулируется международным правом, международными режимами, организациями и институтами. Именно они структурируют взаимоотношения акторов, обеспечивают нормативные рамки и границы их политики [31, p. 15].

Достижение подобных целей требует участия многих государств, соответственно способствует утверждению принципов мультилатерализма и международного сотрудничества. Одновременно, формирование внешней среды предполагает определенные жертвы: необходимость вкладывания ресурсов в поддержание и развитие международных организаций, меры по развитию прогресса или борьбу с глобальными проблемами.

Несмотря на кардинальные различия в характере milieu и possession goals, многие авторы, включая Арнольда Уолферса, указывают на то, что между ними нет жесткого разделения. Внешняя политика государства может находиться в любой точке континуума между чисто milieu и чисто possession goals [35].

Milieu goals иногда содействуют реализации possession goals или используются государствами для прикрытия более узких эгоистичных целей [35]. Формирование благоприятного международного порядка может быть способом повышения престижа или создания условий, способствующих защите национальных владений от внешних угроз. Различные усилия, предпринимаемые под флагом защиты демократии или прав человека, могут иметь целью обеспечение энергетической и военной безопасности или установление контроля над данной территорией. Представьте государство, говорит Уолферс, которое хочет установить режим, схожий со своим собственным: важнейшим мотивом в данном случае является обеспечение собственной безопасности, так как демократические государства, как правило, избегают ведения войн друг с другом.

Тот факт, что milieu goals могут быть направлены на защиту национальных интересов, не обесценивает их. Даже в этом случае milieu goals способствуют формированию благоприятной международной среды в целом и отвечают интересам международного сообщества. Соответственно, они сохраняют и свой нормативный характер [33, p. 6].

Одновременно, подчеркивает Арнольд Уолферс, политику государства можно считать не только эгоистичной, но и близорукой, если она направлена лишь на накопление и удержание своих владений, оставаясь индифферентной к проблеме достижения мира, порядка и высокого уровня благосостояния.

Интересна аналогия Уолферса с поведением и интересами человека. Любой здравомыслящий человек с точки зрения собственных интересов должен прикладывать усилия не только к материальным аспектам своего благополучия, но и к повышению уровня благосостояния в обществе, в котором он живет или работает. То, что его окружает – определенный порядок, уровень общественного здравоохранения, образования и пр. – это аспекты его milieu. Одно дело – быть в хорошей физической форме и финансово обеспеченным в

рамках организованного, упорядоченного и процветающего общества. Со всем другим – быть состоятельным, но окруженным нищетой, болезнями и общественными беспорядками. Проблема состоит не только в степени безопасности приобретенных им материальных владений, но и в возможности чувствовать себя счастливым, морально удовлетворенным, иметь перспективы на будущее.

Как проявления индивидуальной щедрости и благотворительности, так и щедрые внешнеполитические акты государств могут приносить существенные дивиденды донору. Они служат одновременно интересам национальной безопасности государств и экономическим интересам донора [34]. Тем не менее, государства зачастую сталкиваются с серьезной дилеммой при распределении ресурсов между этими двумя видами целей: обеспечивать свои национальные нужды или стремиться создать благоприятную окружающую среду? [34]. Вопрос о том, какие ресурсы и в каком объеме следует вкладывать в улучшение условий за пределами своих границ, чрезвычайно сложен.

Примеров, иллюстрирующих взаимосвязь *milieu* и *possession goals* на практике, можно привести огромное множество: План Маршала, оказание Евросоюзом помощи странам третьего мира и т. д. Так, оказание экономической помощи может быть проявлением щедрости и одновременно способствовать созданию благоприятной и стабильной окружающей среды.

Для нашего дальнейшего анализа внешнеполитических целей ЕС чрезвычайно полезной представляется также типология, предложенная норвежской исследовательницей Марианне Риддервольд [29]. Риддервольд выделяет три типа целей:

1. Прагматичные цели, основанные на материальной выгоде – экономических и политических интересах или интересах безопасности (аналог *possession goals*).

2. Этико-политические цели, апеллирующие к ценностям и нормам, характерным для какого-либо определенного сообщества и направленные на процветание этого сообщества. В нашем случае – это Европейский союз.

3. Моральные цели – более широкие, основанные на необходимости защиты индивидуальных прав и универсальных принципов, независимых от материальных интересов или принадлежности к какому-либо сообществу (например, прав человека). Данная группа целей не предполагает разделения на Европу и неЕвропу.

Таким образом, Риддервольд делает интересное различие между коллективными ценностями сообщества и универсальными индивидуальными правами. В дальнейшем нам предстоит оценить, какой же из предложенных видов целей играет наиболее заметную роль в выработке общеевропейского внешнеполитического курса.

III. Milieu goals Евросоюза. Этические принципы внешней политики ЕС

После рассмотрения природы *possession* и *milieu goals*, следующий, закономерно возникающий вопрос, касается непосредственно европейских внешнеполитических целей. С самого начала интеграционных процессов ЕС сформулировал и конкретизировал ряд основных принципов, ценностей и

целей, вокруг которых строится европейская идентичность и формируется европейский внешнеполитический курс. Многие из фундаментальных ценностей Евросоюза фиксировались в различных документах, в первую очередь, в договорах. Они были конкретизированы в Маастрихтском договоре, затем в 1-2-й статьях предложенной европейской конституции, а ныне – в действующем Лиссабонском договоре. Европейские ценности детально рассматриваются в Уставе фундаментальных прав ЕС [32]. Устав был принят и вошел в силу в качестве рекомендательного мягкого закона ЕС. Интересы Европы во внешней политике определяет и стратегия безопасности Евросоюза. Анализируя эти и другие документы, можно составить представление о девяти фундаментальных политических ценностях, формирующих нормативный имидж ЕС: это мир, свобода, демократия, правопорядок, права человека, социальная солидарность, равенство (недискриминация), устойчивое развитие и эффективное управление.

Для ЕС характерна вера в абсолютную ценность данных этических норм. Общий драматический исторический опыт мировых войн и тоталитарных диктатур в свое время укрепил европейцев в этой вере. В документах ЕС стало общепринятым определять ЕС в качестве сообщества ценностей [16]. По словам Еврокомиссара по вопросам расширения Оли Рена, именно ценности формируют европейские границы [28]. Разделяя их, граждане ЕС чувствуют свою принадлежность к единой европейской семье. Общее взаимодействие данных норм определяет и внешнеполитический курс Евросоюза.

Анализируя научные разработки данной проблемы, в первую очередь необходимо упомянуть автора концепции нормативной силы Иана Маннерса, который полагает, что ЕС руководствуется именно нормативными, а не инструментальными интересами в отношениях с третьими странами [20, р. 251]. В своей первой статье, посвященной нормативной силе, И. Маннерс рассматривает такую норму, как отмена смертной казни [20]. Утверждение права каждого человека на жизнь и борьба за универсальную отмену смертной казни в мире действительно стали важным направлением внешней политики ЕС. Дальнейшие исследования дополнили и углубили представления о характере нормативных целей Евросоюза [19, 22 и др.]. Несмотря на то, что Европейский союз распространяет ценности, которые принято считать столпами западной цивилизации, мы склонны согласиться с мнением Маннерса о том, что данные нормы разделяются и другими международными акторами и широко признаны, в том числе, в рамках ООН в качестве универсальных [21, р. 46].

Не останавливаясь на подробном анализе всех девяти фундаментальных ценностей ЕС в данной статье, постараемся лишь обобщить их значение для сущности европейской внешней политики.

В первую очередь необходимо отметить соответствие между внутренними ценностями ЕС и его внешнеполитическими целями. Деятельность Союза на международной арене осуществляется в соответствии с теми принципами, которые были заложены при его основании. Об этом, в частности, говорится в тексте европейской конституции [1]. Свои внутренние качества ЕС проецирует на внешнюю политику, предлагая свой успешный опыт раз-

вития остальному миру, воплощая свои ценности в международной политике и распространяя их вовне. Внешняя политика ЕС направлена на расширение зоны общечеловеческих ценностей и создание таких обществ, которые признают данные нормы и живут в согласии с ними. Другими словами, стремление «воспроизвести себя», сформировать окружающий мир по своему подобию можно считать одной из ключевых внешнеполитических целей Евросоюза [6, р. 249]. Выступая в таком качестве, ЕС видит себя в качестве просветителя и стабилизатора политической и экономической ситуации в мире.

Тот факт, что Евросоюз стал одним из ключевых промоутеров универсальных и этических принципов в мире, отличает его от традиционных государственных акторов, которые руководствуются преимущественно национальными и стратегическими интересами. Не отрицая определенное значение гуманитарных ценностей во внешней политике других акторов, мы все же считаем, что именно Евросоюз, как поствестфальская сущность, в большей степени преуспел в реализации этических целей.

Зачастую европейская внешняя политика рассматривается в альтруистическом ключе, как политика, которая определяется чувством долга и ответственности и развивается под влиянием благородных целей достижения благополучия для других. Один из главных аргументов Маннерса состоит в том, что борьбу ЕС за универсальную отмену смертной казни, так же как и приверженность прочим гуманитарным принципам, едва ли можно объяснить какими-либо материальными выгодами. Наоборот, европейские требования вызывают сопротивление во многих странах, создавая для ЕС дополнительные трудности. Альтруизм выражается и в дороговизне европейской политики. Так, к примеру, ЕС отстаивает трудовые стандарты, основанные на правах человека в контексте Международной организации труда, несмотря на то, что данная политика является дорогостоящей [29]. Деятельность Евросоюза в рамках МОТ можно считать одним из ярких примеров, подтверждающих преобладание этических аргументов над экономическими интересами ЕС [читайте об этом: 29, 30].

Защита демократии, прав человека и прочих европейских ценностей в конечном итоге имеют целью domestикацию и цивилизацию международных отношений или, другими словами, трансформацию внешней среды в постмодернистском направлении и в соответствии с прогрессом цивилизации [17; 18].

Под domestикацией (*domestication*) понимается, прежде всего, следование одним и тем же принципам во внутренней и внешней политике: «отношение к загранице, как к дому» [25, р. 102]. Еще Франсуа Дюшене, французский политический деятель и мыслитель, отмечал, что смысл существования (*raison d'être*) ЕЭС состоит в domestикации отношений между государствами. С точки зрения Дюшене, domestикация предполагает привнесение в международные отношения сознания общей ответственности, усиление договорных основ политики, разрешение внешних, некогда «чужих» вопросов как своих собственных, внутренних проблем [9].

Цивилизация международных отношений также является одной из ключевых задач нормативного актора, который должен обладать не только соот-

ветствующими амбициями, но и конкретными стратегиями для достижения этой цели. (При этом многие эксперты, включая И. Маннерса, критикуют определение ЕС в качестве «цивилизаторской силы» за ярко выраженный европоцентризм [23, p. 70]).

Цивилизованная политика вновь ассоциируется, прежде всего, с элементами демократии и правопорядком и осуществляется в двух направлениях: трансформация политических отношений внутри государств и между государствами. С точки зрения Ханнса Маулля, изменить международные отношения к лучшему, сделать их более цивилизованными и менее жестокими означает приблизить их к модели взаимоотношений в рамках демократического государства [24, p. 780–81].

Цивилизация международных отношений предполагает усиление институционального контроля над применением силы, развитие культуры ненасильственного разрешения конфликтов, наличие демократической процедуры принятия решений, защиту слабых, общий прогресс человечества в направлении устойчивого мира [24].

Стратегия ЕС по цивилизации международных отношений подразумевает также развитие международного права, поддержку международных режимов и организаций, развитие взаимозависимости и постепенную передачу элементов национального суверенитета наднациональным институтам.

Среди внешнеполитических задач ЕС, направленных на цивилизацию международных отношений, следует особо отметить развитие Евросоюзом принципов космополитичного права. В отличие от международного права, которое регулирует отношения между суверенными государствами, космополитичное право стоит над ними. Оно опирается на универсальные права и обязанности, находящиеся вне рамок государства. Космополитичное право призвано регулировать новый глобальный политический порядок, основанный на ценностях.

Очевидно, что современные внешнеполитические цели ЕС глубоко либеральны, интернациональны и космополитичны по своему духу. ЕС начал активно культивировать космополитичную этику после завершения холодной войны. И по сей день она является важнейшей характеристикой европейской идентичности.

Реализация *milieu goals* на практике – это тема отдельного исследования. В данной статье мы отметим лишь то, что в 1990-е гг. *milieu goals* ЕС были сконцентрированы преимущественно на Центральной и Восточной Европе. С точки зрения формирования окружающей среды большое значение имеют также отношения с Россией, Украиной, странами Средиземноморья, Магриба и Ближнего Востока. Реализацию *milieu goals* Евросоюза демонстрируют политика расширения, добрососедства, многочисленные программы партнерства. Одновременно *milieu goals* воплощаются на глобальном уровне в рамках международных организаций, через глобальную экологическую политику и различные этические инициативы.

Все вышеперечисленные аргументы, на наш взгляд, подтверждают тезис о существовании особой европейской внешнеполитической идентичности и

особой роли ЕС в международных отношениях. Организация ЕС вокруг универсальных ценностей превратила его в качественно новый, отличный от других акторов в мировой политике.

Помимо упомянутых нами экспертов, изложенную выше интерпретацию интересов ЕС разделяет руководство Евросоюза, его институты и представители внешнеполитического ведомства. По словам бывшего комиссара Еврокомиссии Эммы Бонино, внешняя политика, основанная исключительно на национальных или региональных интересах, бесперспективна [5]. Официальные лица ЕС, а также представители стран-членов активно пропагандируют имидж Европейского Союза в качестве силы во благо. Данная миссия создает высокий престиж и авторитет Евросоюзу у одних и является поводом для жесткой критики со стороны других.

IV. Нормативные идеалы или стратегические интересы: дискуссии в экспертном сообществе

Представления Евросоюза о собственной роли в международных отношениях далеко не всегда совпадают с имиджем ЕС за его пределами. Далеко не все представители экспертного сообщества разделяют рассмотренное выше либеральное конструктивистское понимание политики Евросоюза с его акцентом на моральном абсолютизме, альтруизме и самопожертвовании. Протестуя против экспорта европейской модели, некоторые авторы настаивают на том, что история Европы не может являться уроком для всех. ЕС критикуется за создание изоморфизма и продвижение своих собственных норм под видом нейтральных [4, р. 287]. Акты благотворительности ЕС могут вызывать подозрения в лицемерии и притворстве. Европейские нормативные цели считаются камуфляжем, скрывающим европоцентричный культурный империализм, и воспринимаются как продолжение цивилизаторской миссии колониальных времен, имеющей целью навязывание чуждых ценностей. Европа критикуется за демонстрацию морального превосходства, двойные стандарты, отсутствие саморефлексии. «Простая истина», с точки зрения критиков, состоит в том, что ЕС, как и большинство традиционных акторов, несмотря на нормативную риторику, имеет насущные экономические и политические нужды. Рационалистская интерпретация настаивает на стратегическом, инструментальном использовании норм: для легитимизации политики или с целью получения выгоды. В подобном реалистском ключе воспринимается внешнеполитический курс ЕС и в России. Так зачастую оцениваются в Кремле политика добрососедства и различные этические инициативы Евросоюза.

Далеко не все однозначно и в европейском научном сообществе. Ряд исследователей отрицают нормативную уникальность ЕС, говоря о том, что ценности и нормы формируют не только европейскую политику: многие государства имеют нормативные интересы и выстраивают свой внешнеполитический курс в соответствии с некоторыми нормативными правилами [15; 11, р. 5].

Концепция нормативной силы критикуется также с позиций реализма и марксизма. При этом реалисты делают акцент на стратегических приоритетах

и необходимости обеспечения безопасности, марксистская же критика подчеркивает экономические мотивы политики ЕС.

До недавнего времени реалисты были слабо представлены в исследованиях европейской внешней политики. ЕС и реализм считались чем-то совершенно несовместимым. Европа виделась, скорее, как антитезис реализму и опровержение ему. Однако на сегодняшний день неореалистская критика представлена несколькими известными именами: британскими исследователями Адрианом Хайд-Прайсом и Ричардом Янгсом, немецким автором Хубертом Зиммерманном и другими экспертами, полагающими, что реализм способен дать лучшее объяснение европейским внешнеполитическим мотивам.

Следуя принципам реалистской парадигмы, Хайд-Прайс настаивает на том, что материальные национальные интересы, а не альтруизм формируют политику Евросоюза и заставляют европейские страны формировать окружающую среду в определенном направлении. ЕС реализует свои *milieu goals* в «ближайшем зарубежье» с целью создания благоприятных условий для достижения долгосрочных стратегических, политических и экономических интересов стран-членов [13, р. 226–227]. ЕС, с его точки зрения, лишь используется его наиболее влиятельными участниками как инструмент для «коллективного осуществления гегемонистской силы» [13, р. 226]. Великие державы – Соединенное Королевство, Франция и Германия – продолжают оберегать свои суверенные права ради возможности обеспечивать собственные национальные интересы. При этом эти национальные интересы часто конфликтуют друг с другом. ОВПБ (Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС) и ЕПБО (Европейская политика безопасности и обороны), по мнению автора, обречены на то, чтобы оставаться межправительственными и заниматься решением второстепенных вопросов [13, р. 231].

В качестве примеров того, что интересы ЕС берут верх над ценностями, зачастую приводятся отношения со стратегически-значимыми странами, такими как Китай и Россия. Так, Россия лишь в минимальной степени была подвергнута санкциям за войны в Чечне. Экономические, стратегические и энергетические интересы не позволили ЕС занять слишком жесткую позицию по отношению к Кремлю [13, р. 190]. С точки зрения Хайд-Прайса, приоритет материальных интересов демонстрировали экономические отношения с путинской Россией и взаимоотношения с КНР, когда некоторые страны ЕС предложили снять эмбарго на поставки оружия Китаю. Хайд-Прайс приводит и многие другие примеры: Израилю лишь угрожали санкциями в связи с его политикой по отношению к палестинцам, но санкции не были применены; в отношении Узбекистана не были предприняты должные меры, несмотря на повсеместные нарушения прав человека и отсутствие реформ и т. д. [13, р. 223]

Модель взаимоотношений ЕС с Россией и Китаем подкрепляет и реалистскую аргументацию Хуберта Зиммерманна [37, р. 813–832]. В ходе переговоров о вступлении этих стран в ВТО, ЕС, указывает Зиммерманн, руководствовался меркантилистскими, геоэкономическими и геополитическими соображениями, оставив позади нормативную риторику о правах человека. Так, в переговорах с Россией позиция ЕС была обусловлена желанием защитить

европейские интересы на российском рынке и необходимостью интегрировать Россию в открытую мультилатеральную торговую систему, в связи с чем чеченский вопрос в ходе переговоров не упоминался [37, р. 824–827]. Санкции, установленные в отношении Китая в результате событий на площади Тяньаньмэнь, были вскоре отменены благодаря усилиям Германии и Италии. Все программы экономического сотрудничества с КНР были восстановлены с учетом коммерческих и стратегических интересов ЕС и отдельных стран-членов [37, р. 820–24]. Таким образом, получение выгоды и преимуществ, подчеркивает Зиммерманн, присутствовало в качестве ключевых мотивов европейской политики.

Среди скептиков-реалистов можно отметить Ричарда Янгса, который также доказывает тезис об инструментальности европейских интересов [36, р. 415–35]. Согласно Янгсу, продвижение прав человека является частью более широкой стратегии, направленной на осуществление контролируемых перемен в третьих странах и консолидацию режимов в них с целью обеспечения поддержки Евросоюзу.

Анализ других региональных направлений внешней политики Брюсселя вновь приводит многих авторов к выводу, что деятельность ЕС, скорее, соответствует модели поведения стратегического актора. Так, профессор Маастрихтского Университета Гергана Нутчева доказывает, что европейская политика государственного строительства на Балканах формируется под влиянием рациональных мотивов стран-членов [26, р. 1065–1084]. Итальянская исследовательница Стефания Панебианко убеждена, что, столкнувшись с выбором между интересами и ценностями в Средиземноморье, ЕС защищает последние [27, р. 194]. Стремление Евросоюза показать безразличие к собственным интересам кажется неоправданным и многим другим авторам [15, р. 15].

По мнению реалистов, сотрудничая с соседями, ЕС стремится обезопасить свои границы, решить проблему миграции и терроризма, усилить энергетическую безопасность и т. д. Локальные войны и экономические катаклизмы в третьих странах дорого обходятся Европе, приводя к массовым потокам мигрантов, перебоям в энергетических поставках, распространению инфекционных заболеваний. Европейские элиты уверены в том, что продвижение демократии, прав человека и устойчивого развития уменьшает вероятность внешних потрясений, угрожающих ЕС. Выступая в качестве силы во благо, Евросоюз создает «кольцо друзей» – демократических, стабильных и процветающих государств с эффективным управлением, разделяющих европейские ценности, что объективно служит европейским интересам безопасности [14, р. 240–247]. Продвижение демократии рассматривается как важная часть стратегии безопасности, имеющая целью стабилизацию в регионах, граничащих с ЕС [12, р. 168–190]. Трансформационная сила Евросоюза может расцениваться также как идеологическая сила, направленная на то, чтобы установить контроль над остальным миром и действиями других акторов [2, р. 8–9]. В целом реализм предлагает не только критику концепции нормативной силы, но и альтернативное теоретическое понимание общей внешней политики ЕС.

Марксисты, в свою очередь, настаивают на том, что нормативные акции Брюсселя приносят выгоду с точки зрения торговли, обеспечивают доступ к новым рынкам, способствуют созданию более сильных региональных экономических блоков. Являясь примером марксистской критики, работа Самира Амина и Али Эль Кенза доказывает, что усилия ЕС по демократизации режимов Средиземноморья на самом деле имеют целью осуществление экономической либерализации и приватизации [3]. Нормативные лозунги, с точки зрения авторов, являются попыткой оправдать неолиберальный экономический империализм.

Как мы видим, выводы, к которым приходят авторы, вступают в конфликт с концепцией нормативной силы. В результате, Стефания Панебианко предпочитает характеризовать ЕС не как нормативную, а как мягкую силу, которая руководствуется собственной выгодой, преследует свои интересы и распространяет универсальные нормы лишь по возможности, в том случае, если третьи страны готовы их принять [27, р. 184].

Подобные аргументы имеют под собой определенную почву. Действительно, маловероятно, что ЕС обладает исключительно нормативными интересами и никогда не руководствуется стратегическими. Однако чисто рационалистские объяснения внешнеполитических мотивов ЕС также являются легко уязвимыми [читайте об этом: 10, р. 264]. Вот лишь несколько факторов несостоятельности реалистского подхода:

1. Защита демократии и общечеловеческих ценностей влечет материальные затраты и, при этом, далеко не всегда служит европейским стратегическим интересам. (Этот тезис конкретизируется в следующем разделе.)

2. Европа вступает в конфликты с США, Японией и другими странами ради продвижения норм, таких как отмена смертной казни, борьба с глобальным потеплением и пр.

3. Евросоюз занимает первое место по объемам предоставляемой экономической помощи.

4. ЕС вкладывает ресурсы в развитие международных организаций и поддержание принципов мультилатерализма.

Мы считаем, что не все международные акторы должны автоматически считаться лишь «максимизаторами интересов» (“interest maximizers”) [10, р. 266]. Нельзя отрицать, что некоторые из них могут действовать исходя из чувства справедливости и долга. В некоторых случаях нормы вполне могут брать верх над материальными выгодами.

V. Взаимосвязь milieu и possession goals во внешней политике Евросоюза

Как мы видим, в европейском научном сообществе представлен весь спектр взглядов на проблему внешнеполитических целей ЕС: от Иана Маннера с его идеалистской интерпретацией мотивов Евросоюза до Адриана Хайд-Прайса, излагающего реалистское видение проблемы. Эти два противоположных взгляда, казалось бы, сложно совместить. Однако ряд исследователей с успехом это делают, учитывая обе вышеизложенные тенденции и формулируя более прагматичную точку зрения [7, р. 15–32].

Так же как Арнольд Уолферс, многие европейские аналитики сегодня рассуждают о взаимосвязи *milieu* и *possession goals*, считая, что материальные интересы и нормативные принципы всегда переплетаются в реальной внешнеполитической практике. Ценности являются концептуальной призмой, через которую конструируются, интерпретируются и осуществляются интересы. Одновременно, ценности вполне могут формулироваться и интерпретироваться под влиянием интересов [33, р. 6]. Отстаивание интересов зачастую осуществляется параллельно с продвижением норм. Так, политика ЕС, направленная на оказание экономической помощи или защиту прав человека, являясь этической, может одновременно содержать элементы инструментальности. Сочетание *milieu* и *possession goals* во внешнеполитическом курсе ЕС можно проследить на примере политики расширения, добрососедства и различных партнерских соглашений. Стремление провести четкие разграничения между этими двумя видами целей является одной из главных ошибок в рассуждениях экспертов. Такого разделения просто не существует.

Наличие смешанных мотивов во внешней политике ЕС признают Лизбет Аггестам, Натали Точчи, Томас Диез, Эрик Эриксен и многие другие авторы [2; 33; 8; 10]. Даже такие реалисты, как Адриан Хайд-Прайс и Хуберт Зиммерманн, в конечном итоге не отрицают того, что государства могут проводить этическую политику, отражающую их политические ценности [13, р. 222; 37, р. 824]. Хотя, при этом, они оговариваются, что этические нормы всегда вторичны по отношению к интересам национальной безопасности и другим фундаментальным национальным нуждам. Единая Европа, считает Хайд-Прайс, говорит об идеалах лишь в том случае, если они не наносят ущерба национальным интересам стран-членов, но в критических ситуациях государства пожертвуют этическими принципами ради национальных нужд. *Milieu goals*, по мнению Хайд-Прайса, предполагают лишь временные жертвы ради долгосрочных перспектив [13, р. 222].

Предположение о том, что этические цели Евросоюза направлены на защиту его стратегических интересов, не меняет, на наш взгляд, их позитивного характера и не означает полного отрицания нормативности, так как нормы могут оставаться легитимными и несущими позитивные перемены даже в том случае, если за ними стоят вполне конкретные материальные интересы. Даже рационалистские интерпретации мотивов ЕС не могут убедить нас в обратном. Формирование Евросоюзом благоприятной международной среды создает взаимовыгодную ситуацию, при которой не только ЕС, но и третьи страны, являющиеся объектом европейской политики, остаются в выигрыше [читайте об этом: 2, р. 8].

Итальянская исследовательница Натали Точчи доказывает, что *milieu* и *possession goals* могут быть не просто совместимыми, но и усиливать друг друга в долгосрочной перспективе [33, р. 10]. Урегулирование Евросоюзом миграционных потоков, борьба с организованной преступностью и терроризмом, стремление обеспечить надежные поставки энергии – все это зависит от трансформаций *milieu*, особенно в регионах, граничащих с ЕС.

Одновременно, как считает Точки, *milieu* и *possession goals* могут вступать в коллизии друг с другом в краткосрочной и среднесрочной перспективе и при определенных обстоятельствах. Дестабилизация, которая сопровождает трансформацию *milieu*, препятствует реализации *possession goals*. Так, продвижение Евросоюзом демократии в некогда авторитарном государстве, приводя к временной нестабильности и хаосу, в свою очередь понижает шансы контроля миграционных потоков или борьбы с организованной преступностью. Защита прав человека в третьих странах ограничивает свободу рук данных режимов в обуздании преступности и терроризма. Свободно избранные правительства вполне могут проводить политику, противоречащую европейским коммерческим интересам или энергетическим нуждам и т. д.

Некоторые из этих примеров демонстрируют также столкновение самих этических принципов между собой. Так, борьба против организованной преступности может противоречить защите прав человека и т. д. Необходимо взвешивать не только этические и стратегические интересы, но и учитывать существующие этические дилеммы [читайте об этом: 2, р. 10].

Приведенные выше примеры подтверждают, что формирование демократической среды не всегда служит европейским стратегическим интересам. Этот факт является еще одним аргументом, подтверждающим нормативный характер внешней политики ЕС. Кроме того, согласно справедливому замечанию Ричарда Янгса, несмотря на наличие практических мотивов, европейские подходы выглядят менее инструментальными в сравнении с американскими [36, р. 429].

VI. Заключение

Рассуждая о внешнеполитических целях, стоит признать, что выявить подлинные мысли и мотивы международных акторов представляется весьма затруднительным [читайте об этом: 29, р. 5]. Тем не менее, в настоящей статье мы предложили два радикально отличающихся подхода к исследованию данной проблемы – либеральный идеалистский и рационалистский, который, в свою очередь, можно подразделить на реалистский и марксистский. Мы пришли к выводу, что ни один из данных теоретических подходов, взятый по отдельности, не может дать объективного объяснения сути и содержания европейских внешнеполитических целей.

С одной стороны, мы разделяем мнение экспертов либерального направления о нормативном характере политики ЕС, основанной на универсальных общечеловеческих ценностях. Опыт Европы после окончания холодной войны показывает, насколько внешняя политика сблизилась и переплелась с понятиями морали и этики, став примером постнациональной постмодернистской внешнеполитической модели. Этот факт не означает, что экономические или стратегические мотивы не играют никакой роли в выработке европейского внешнеполитического курса. Мы не отрицаем, что политика ЕС может быть мотивирована и практическими интересами.

Преследование Евросоюзом стратегических интересов является одной из главных причин критики нормативной силы. Способ ее избежать заключается, на наш взгляд, в комбинации различных теоретических подходов, позво-

ляющей более объективно учитывать как практические, так и этические мотивы внешней политики ЕС. Учет аргументов авторов либерального и реалистского направлений способен дать простор развитию более сбалансированной дискуссии о роли ЕС в мире.

1. A Constitution for Europe. – URL: http://www.ena.lu/constitution_europe-020102371.html (22.12.2010)
2. *Aggestam L.* Introduction: Ethical Power Europe // *International Affairs* – 2008. – Vol. 84:3. – P. 1–11.
3. *Amin S.* Europe and the Arab World: Patterns and Prospects for the New Relationship / S. Amin, A. E. Kenz. – New York : NY Zed Books, 2005. – 176 p.
4. *Bicchi F.* “Our Size Fits All”: Normative Power Europe and the Mediterranean // *Journal of European Public Policy*. – 2006. – Vol. 13:2 (March). – P. 286–303.
5. *Bonino E.* Principled Aid in an Unprincipled World. Speech delivered to ECHO/Overseas Development Institute (ODI) Conference by European Commissioner for Humanitarian Affairs, speech/98/69, 7 April 1998. – URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/98/69&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en> (22.12.2010)
6. *Bretherton C.* The European Union as a Global Actor / C. Bretherton, J. Vogler. – London : Routledge, 1999. – 316 p.
7. *Brown C.* Ethics, Interests and Foreign Policy // K. Smith, M. Light (eds), *Ethics and Foreign Policy*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 15–32.
8. *Diez T.* Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering “Normative Power” // *Millennium*. – 2005. – Vol. 33:3. – P. 613–636.
9. *Duchene F.* The European Community and the Uncertainties of Interdependence // *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*. – London : Macmillan, 1973. – P. 1–21.
10. *Eriksen E. O.* The EU – A Cosmopolitan Polity? // *Journal of European Public Policy*. – 2006. – Vol. 13:2. – P. 252–69.
11. *Forsberg T.* Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis // Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association, New York, 15–18 February 2009. – 24 p. – URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p311280-1.php (20.12.2010)
12. *Haddadi S.* Political Securitization and Democratization in the Maghreb: Ambiguous Discourses and Fine-Tuning Practices for a Security Partnership // E. Adler, F. Bicchi, B. Crawford, R. Del Sarto (eds), *The Convergence of Civilizations: Constructing a Mediterranean Region*. – Toronto, 2006. – P. 168–190.
13. *Hyde-Price A.* “Normative” Power Europe: a Realist Critique // *Journal of European Public Policy*. – 2006. – Vol. 13: 2. – P. 217–234.
14. *Johansson-Nogues E.* A “Ring of Friends”? The Implications of the European Neighbourhood Policy for the Mediterranean // *Mediterranean Politics*. – 2004. – Vol. 9:2. – P. 240–247.
15. *Jørgensen K. E., Laatikainen K. V.* The EU and the UN: Multilateralism in a New Key? Paper prepared for presentation at the ISA Annual Convention, San Diego, California, USA, March 22–25, 2006. – URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/0/0/1/2/pages100128/p100128-1.php (22.12.2010)

16. Laeken Declaration on the Future of the Union, European Council, 14–15 December 2001. – URL: http://www.ena.lu/laeken_declaration_future_european_union_15_december_2001-020003970.html (23.12.2010)
17. *Leonard M.* Europe's Transformative Power // Center for European Reform Bulletin. – 2005. – Issue 40, Feb.–March. – URL: http://www.cer.org.uk/articles/40_leonard.html (04.07.2011)
18. *Leonard M.* How Europe Will Run the 21st Century / M. Leonard. – London : Fourth Estate, 2005. – 176 p.
19. *Lucarelli S.* Interpreted Values: A Normative Reading of EU Role Conceptions and Performance // O. Elgstrom, M. Smith (eds), The European Union's Roles in International Politics. Concepts and Analysis. – New York, 2006. – P. 47–65.
20. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40:2. – P. 235–58.
21. *Manners I.* The Normative Ethics of the European Union // International Affairs. – 2008. – Vol. 84:1. – P. 45–60.
22. *Manners I.* The Symbolic Manifestation of the EU's Normative Role in World Politics // The European Union's Roles in International Politics. – P. 66–84.
23. *Manners I.* European Studies // Journal of Contemporary European Studies. – 2003. – Vol. 11:1 – P. 67–83.
24. *Maull H. W.* Europe and the New Balance of Global Order // International Affairs. – 2005. – Vol. 81:4. – P. 775–799.
25. *Nicolaidis K.* The Power of the Superpowerless / T. Lindberg (ed.) Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership. – New York : Routledge, 2004. – P. 93–120.
26. *Noutcheva G.* Fake, Partial and Imposed Compliance: the Limits of the EU's Normative Power in the Western Balkans // Journal of European Public Policy. – 2009. – Vol. 16:7 (October). – P. 1065–1084.
27. *Panbianco S.* The EU and the Middle East // The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe's Role in the World / ed. by F. Bindi – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010. – P. 183–196.
28. *Rehn O.* Values define Europe, not borders. – URL: <http://www.delmkd.ec.europa.eu/en/whatsnew/2005/03%20Olli%20Rehn%20article%20Values%20define%20Europe.htm> (22.12.2010)
29. *Riddervold M.* Interests or Principles? EU Foreign Policy in the ILO // RECON Online Working Paper 2008/09 – 2008. – June. – 23 p. – URL: <http://www.jhubc.it/ecpriga/virtualpaperroom/024.pdf> (20.12.2010)
30. *Riddervold M.* “A matter of principle”? EU foreign policy in the International Labour Organization // Journal of European Public Policy. – 2010. – Vol. 17:4. – P. 581–598.
31. *Risse T.* “Let's Argue!” Communicative Action in World Politics // International Organization. – 2000. – Vol. 54: 1. – P. 1–39.
32. The Charter of Fundamental Rights of the Union, Treaty Establishing a Constitution for Europe (TCE). – URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/default_en.htm (23.12.2010)
33. *Tocci N.* Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and its Global Partners // Who Is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners. – Brussels : Centre for European Policy Studies, 2008. – P. 1–23.
34. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. – Baltimore, 1962. Chapter Five “The Goals of Foreign Policy”. – P. 67–80. – URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/poll16/wolfers.htm> (29.09.2010)

35. *Wolfers A.* Milieu and Possession Goals Reinterpreted. – URL: <http://deliberation.blog.com/essays/arnold-wolfers-milieu-and-possession-goals-reinterpret/> (20.12.2010)

36. *Youngs R.* Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity // *Journal of Common Market Studies*. – 2004. – Vol. 42:2. – P. 415–35.

37. *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // *Journal of Common Market Studies*. – 2007. – Vol. 45:4. – P. 813–832.

Normative Aims of the European Union Foreign Policy

L. O. Igumnova

Irkutsk State University, Irkutsk

The author reveals the content of external normative goals and examines them taking the EU foreign policy as an example. The core values that form normative image of the Union are clarified. Sharing the liberal constructivist vision of a normative, post-modern nature of European foreign policy model, the author does not deny that the policy of the Union can be motivated by practical interests too.

Key words: foreign policy of the European Union, normative power, foreign policy aims.

Игумнова Людмила Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 8(3952)241974, e-mail: lyudmila_i28@yahoo.com

Igumnova Lyudmila Olegovna – Candidate of Historical Science, Associate professor of the, Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Kark Marx st., 1, 8(3952)241974, e-mail: lyudmila_i28@yahoo.com